НОЯБРЬ 1928 г. № 41 ЦЕНА 15 КОП.

— Посмотри, Вовочка, как мне к лицу юнгштурмовский костюм. А ты до сих пор не удосужишься записать меня в этот... в комсомол!..

ЧУБАРОВЕЦ НА ОТДЫХЕ

Железнодорожный табельщик Илья Боровкин, попав в один из южных домов отдыха, решил вести дневник. Он вел записи, добросовестно регистрируя все выдающиеся события курортной жизни, три недели. Потом это, видно, наскучило ему, и он выбросил тетрадку в ящик для мусора. Случайно ее подобрал, поразившись орнаменту на обложке, молодой санаторный врач.

Сверху на обложке написано: «Где события нашей жизни, кроме насморка и блох?»

Ниже изображены в непристойной позе голые мужчина и женщина на пляже, и выведено старательным писарским почерком с завитушками: «Девиз отдыхающего: «Ничего мне на свете не надо, только видеть тебя без штанов!»

За этим следуют «два нескромных слова о любви среди ящериц, лишенных предрассудков» и четверостишие о поварихе и каком-то конторщике Косте, популярно раз'ясняющее массам, почему именно означенный Костя ежедневно получает двойную порцию кулебяки к обеду.

Наконец, сбоку пририсована смеющаяся луна, лучами которой освещен куст шиповника в парке: из-под куста торчат две пары ног, над ними выведен жирный вопросительный знак...

Врач, который прислал мне дневник Боровкина, пишет: «Вчитайтесь, прошу вас, вдумайтесь в эти записи, рисунки, стишки, зубоскальство.

Что это значит? Откуда это? Что здесь от новой жизни, от нового строя, от революции, от культуры, за обладание которой мы ведем, как будто, такую огромную борьбу?»

Давайте повернем страницу со стишками «О поварихе и любви среди ящериц» и мельком проглядим записи в дневнике Ильи Боровкина.

11 июля. *От скуки, поспорил с Сережей С. о сестре Наташке. Он восторгается, а я на зло говорю, что ущипнуть не за что. Он стал доказывать, потом заматерил и за завтраком насыпал песку в мое кофе. Я ему вылил за шиворот, теперь мажет спину вазелином. Вечером помирились «под каштаном».*

14 июля. *Вечером ходили с электрическими фонариками искать, кто лежит под кустами. Нашли Сережку и Наташку... Она стала плакать, потому что В. Г. взял ее на испуг и потребовал сейчас же итти к старшему врачу. Тогда он стал ее утешать, куда-то повел, и они очень долго не возвращались. Сережка бесился. Ходили «под каштан».*

18 июля. *Из города приехал автомобиль, и ему кто-то проколол четыре шины и нагадил на сиденье. Последнее, по-моему, свинство. Вечером выпили «под каштаном».*

20 июля. *Ребята с ужина залезли в женской палате в шкафы и под кровати послушать, о чем они говорят, когда одни. Выходит не лучше нас, все о том же. Когда потушили свет, стали вылазить, рычать и щипаться. Был крик.*

21 июля. *На Костю пожаловалась старуха Д., что он назвал ее «зануда». Она говорит, что у нее внуки такие, как Костя, и с ней надо вежливо говорить. Подумаешь! Костю хотели выписать, но тогда мы все заявили, что тоже уедем. Конечно, сдрейфили и оставили. Ребята напустили этой старой сволочи комаров в кровать. Теперь ищут, кто это сделал?!*

24 июля. *Сегодня вечером из-под кустов вытащили доктора В. с одной девченкой. Раньше он требовал, чтобы Костю за это выписали, а теперь влип сам. Он полчаса ходил следом, просил, чтобы не делали истории. Ребята пообещали, если не будут на ночь запирать парадную дверь. Он согласился. Вместе выпили «под каштаном».*

26 июля. *Был крик. П—й отнял щетку у уборщицы и не хотел отдать, пока не поцелует. Потом он стал щипаться, и она дала ему тряпкой по морде, а П—й полез драться. П—го выписали. Вечером его провожали, все напились «под каштаном» и при луне выкупались.*

27 июля. *К нам поступил немец, монтер из города Мюнхена. Для смеха Муравей выучил его разным последним словам, будто бы так называются стол, стул, барышня, вилка. Он за обедом и пошел чесать, даже страшно стало, смеялись.*

28 июля. *Был крик. Сережа пошел с аппаратом снимать баб на пляже и нарвался. Отвели в милицию.*

29 июля. *Выпили. Муравей пошел на кухню требовать добавочного молока, а ему не дали, потому что была ночь. Тогда он оборвал все цветы на клумбе.*

30 июля. *Выпили. Ребята разбили камешками красную звезду на мачте, якобы им показался метеорит. Был крик.*

2 августа. *Выпили...*

Удивительное дело! Ведь это молодежь, — люди, призванные организовывать новую жизнь, люди, которыми должна была владеть бешеная жажда к этой здоровой жизни, к знанию, к свежим впечатлениям, к здоровому отдыху, к солнцу, веселью.

И вот две недели ведет этот человек свой дневник, — и там нет ни одного слова ни о местах, куда он впервые попал, ни о людях, с которыми он встретился, ни о том, чем он жил, о чем он думал это время. Какой-то сплошной скорбный регистрационный листок, какая-то сплошная хроника полууголовных, пьяных безобразий «под каштаном».

Видно, он не прочел за все это время ни одной книжной строки: о библиотеке упоминается только однажды, как о месте, где по недоразумению случился очередной «крик».

Видно, он ни разу не держал газеты в руках, газетные сообщения пробудили бы хоть какую-нибудь, хоть самую тощую мыслишку в его сознании. Но мысли тут и не ночевали. «Где события нашей жизни, кроме насморка и блох?» Какая, действительно, удручающая, серая, полупьяная скука, какие нравы, какой круг жизненных впечатлений и интересов!

Это называется — он отдыхал, этот домашний чубаровец, этот мирный вредитель всякой культурной стройки, всякой культуры быта в стране.

Как ясно вижу я его небритую, одутловатую физиономию, его скучающий, брезгливый взгляд, его брюки с раструбами, его развинченную походку, его манеру говорить, оттопырив губу и медленно цедя сквозь зубы, никогда не видевшие щетки, — скверные, похабные слова!..

Вот, гогоча, он поймал и тискает девушку в дверях; ему наплевать, что она плачет, не в силах вырваться и чувствуя, что стыд и оскорбленная человеческая гордость переворачивают все ее существо, и жгучая краска заливает ее лицо, шею, грудь.

Вот он, пьяный, пачкает рвотой свой и чужие костюмы «под каштаном», ему кажется верхом молодечества на пари вырвать так, чтобы струями скотской рвоты написать заглавную букву своей фамилии на земле.

Вот он обрывает цветы с клумбы, вот бьет камнями в электрическую звезду на мачте, вот гадит в кастрюли на кухне, выковыривает ножом брань на скамьях в саду.

Ему наплевать, что все это создано для него, для его покоя и удобства и отдыха трудом и заботами других людей, на медные гроши нищего государства, ценою огромного напряжения превратившего былые аристократические курортные уголки в рабочие кузницы здоровья.

Он отмахивается лениво и равнодушно, когда ему говорят об этом, не в силах пробудить хоть какую-нибудь мыслишку в сонном, притупившемся сознании.

— Чего психуешь, зануда?!

Подумать только, какая тут бездна дикости, грубости, некультурности и закоренелого российского хамства, как мало тут уважения к окружающим и к самому себе, как ничтожны тут, действительно, свежие революционные ростки!.. Какой огромнейший пласт надо еще сдвинуть и поднять, чтобы выбились из под него наружу эти ростки в нашем быту...

А. Зорич

Рис. А. Радакова

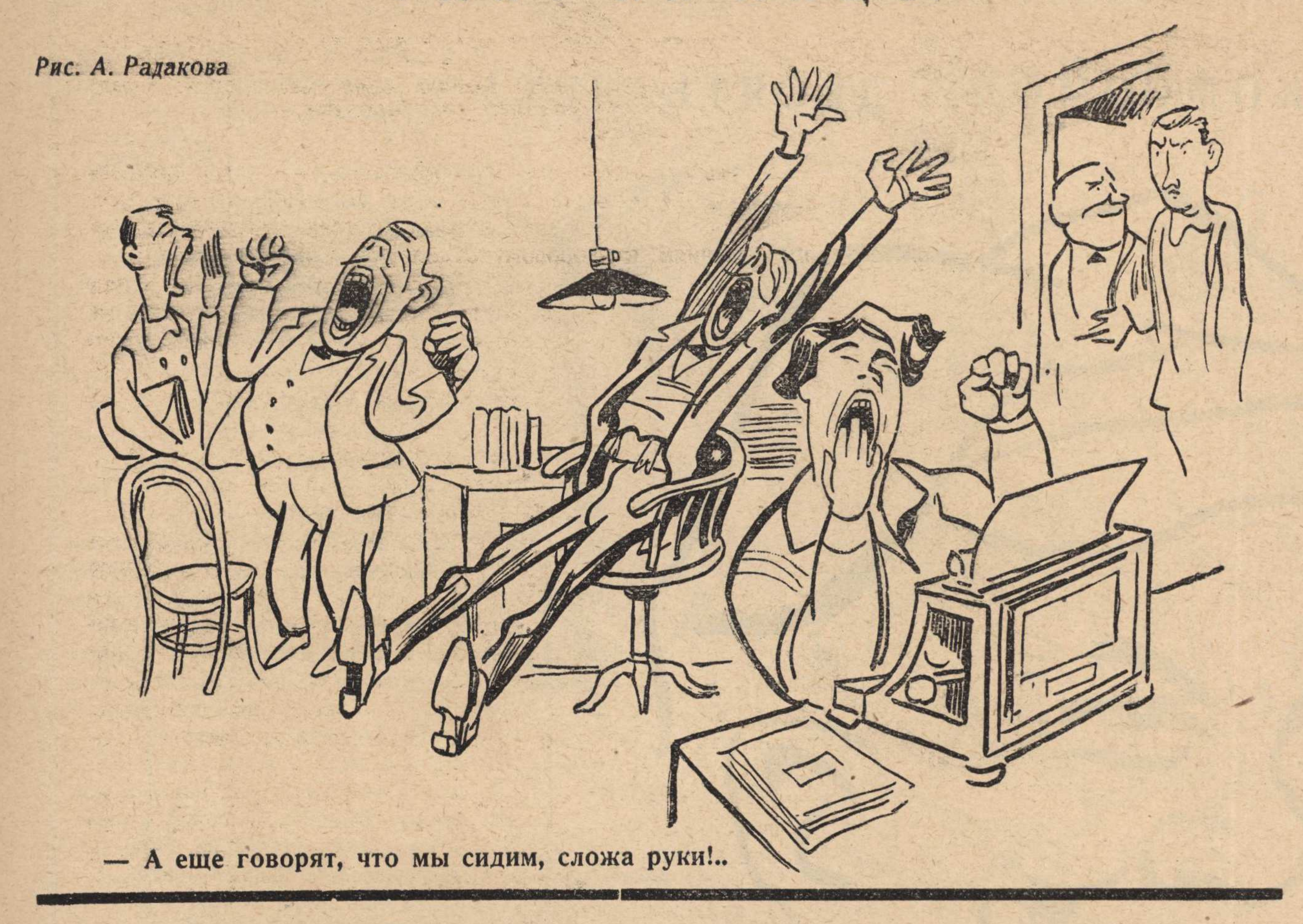
В ЗООПАРКЕ

— Скажите, у вас здесь все породы представлены?
— К сожалению, зеленого змия нет, — до сих пор еще гуляет на свободе!

ФАКТ НА ЛИЦО!

Рис. А. Радакова

— А еще говорят, что мы сидим, сложа руки!..

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Мы курим, зеваем,
И стелется дым —
Под пальмами дыма
Мы тихо сидим.
Сегодня суббота,
И велено бытом,
Конечно, в субботу
Быть чисто побритым...

И отблеск от бритвы
Слетает дугой,
И воздух от запахов
Сделался летний...
И входит, сияя,
Красавец тугой
И нас вопрошает:
— А кто здесь последний?

Но это не важно...
Напрасная спесь!
Все будут последние
Первыми здесь!
Минут через десять,
Пятнадцать иль тридцать
Здесь каждый услышит:
— Пожалуйте бриться!
Отдельную кисточку?
Кверху? Пробор?
Повыше, пожалуйста!
Митька, прибор!

Скорее, писатель, перо волоки,
Сюда опускайся, поэта душа,
Где, как танцовщица
На проволоке,
На скулах вибрирует
Бритва, шурша!

Я крепко привязан.
Бежать мне нельзя.
И слышу я мыла
Над тазиком лепет...

Цирюльник лицо мое
Бережно взял
И мыльную маску
Для вечности лепит!

О, граждане, зрите!
Я был и погиб...
Я сделался белый...
Я маска, я гипс!
О славе моей
О несбыточной ратуя —
Хотя бы на несколько
Быстрых минут
Меня превратили
В прекрасную статую,
И пульверизаторы
Марш мне поют!

Цирюльник!
Волшебным пронзитесь моментом!
Оставьте меня
Вот таким монументом!
Пустите! Я встану!
Намыленный лик,
Ей богу, загадочен,
Пышен, велик...

Что? Бриться? Не надо!
И бритву отбросьте...
Сейчас я прекрасен,
А прочее — вздор!
Пустите! Я встану,
И двину я в гости,
Войду и раскланяюсь,
Как Командор!

Но мыло стекает,
Серея, как олово,
И к чахлой макушке
Проложен пробор,
И вот обвязали
Платком мою голову,
И стал я испанец
И торреадор.

О, девушки!
Если хотите увидеть
Любимых своих
В замечательном виде,
Спешите сюда!
Здесь помпезно сидит,
Откинувшись в кресле,
Дыша ароматом,
В повязке крылатой,
Сияньем облит,
Помощник бухгалтера...
Просто...
Но вид
Но вид... но осанка...
Но сходство с пиратом!!

Спешите сюда!
Здесь таинственный сад,
Цветет вежеталь
И гроздья висят
Резиновых груш,
И летают пуховики,
И мастер склоняется —
Нежен и рад —
Любимому щеточкой
Выгладит бровки!

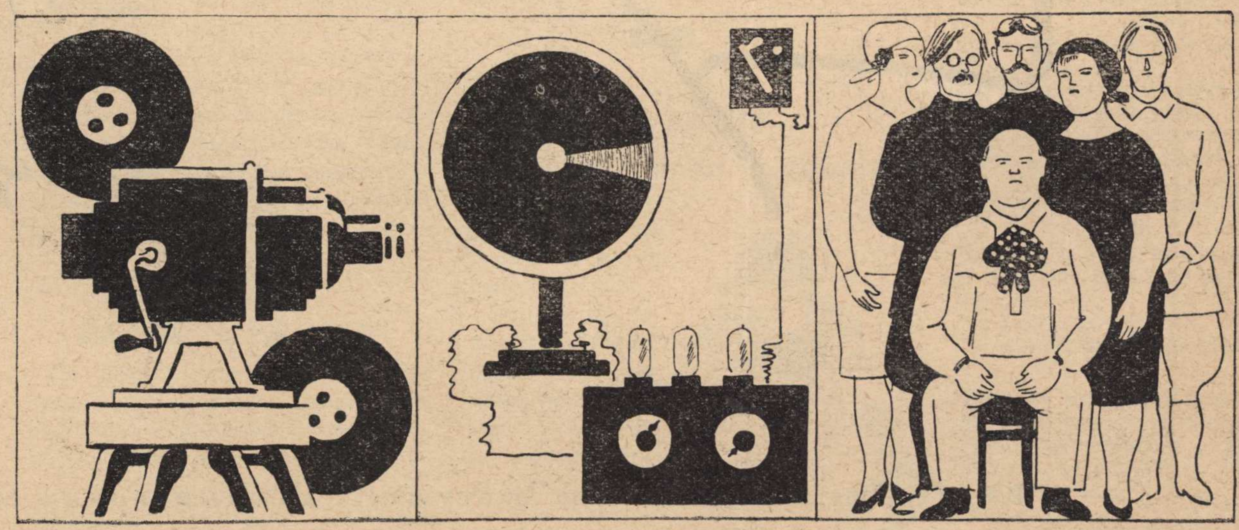
Конечно, суббота...
И велено бытом,
Конечно, в субботу
Быть чисто побритым,
Но, граждане,
Чтобы счастливыми быть,
Не надо себя
Слишком крепко любить,
Не надо считать,
Что на собственной шее,
Прыщ собственный —
Прочих прыщей поважнее!

Зубило

В КЛУБАХ ТРАТИТСЯ МНОГО СРЕДСТВ...

Рис. Н. Денисовского

В отдельных клубах тратится только на один аппарат 88 проц. всех средств.

... не на такой аппарат... и не на такой... а вот на какой аппарат!..

КОМСОМОЛУ ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Рис. Дени

ВРАГ: — Чорт возьми! Еще одно растущее с каждым годом затруднение!!!

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

(Корреспонденция «Смехача»)

Двадцать третьего сентября в клубе железнодорожников при ст. Грозный, Сев.-Кав. ж.д., была вывешена афиша:

> *Сегодня торжественный вечер памяти Л. Н. Толстова. После артисты Рабиса представят: «От ней все качества» того-же Толстова.*
> *Начало в 7 ч. вечера.*

8 ч. По залу пробегает запыхавшийся завклуб т. Дегтярев.

— Почему так долго не начинаете?

— Да вот партийцев никого нет все на ячейке, представителей в президиум нет, а без партийцев какой же президиум!..

8¼. Не дождавшись партийцев, завклуб сам открывает вечер. Его речь записана нами со стенографической точностью:

— Товарищи, сегодня по всей СССР партия празднует сто лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого, который, правда, был граф, но зато человек и писатель. В свою бытность он очень много писал разных книг. Книги эти были плохие и хорошие. Книги эти были полезные с одной стороны, а с другой, конечно, вредные. Обо всем этом расскажет нам сейчас докладчик из города т. Шанин в свете марксистского мировоззрения.

Перед докладами память Толстого чтится вставанием. Оркестр по мановению руки славного товарища Дегтярева играет «Вы жертвою пали...».

Во время доклада за сценой шум. Из-за кулис выглядывает какой-то дядя в красной фуражке и, не обращая внимания на докладчика, кричит в другой конец зала:

— Ванька, скажи Григорьянцу, пусть сюды топает!..

Шум за сценой усиливается. Сидящие в первом ряду слышат следующие обрывки фраз:

— Посредрабис Семенов злостно сорвал... Сыпьтесь-ка, друзья, отсюдова! Что же я теперь публике скажу, ежели «От ней всех качеств» не будет? Я не виноват же, что артисты не приехали... Наверное, запили...

Доклад кончился — заведующий клубом об'явил:

— По техническим причинам — отсутствие артистов — спектакль не состоится!..

Ю. Месяцев

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЕ МЕЧТЫ

(Из дневника совторгслужащего)

В Ленинграде на кладбищах отменяется деление мест по разрядам.

Нет!.. Я не смею верить слухам!
Как от волненья не дрожать!
Ведь, может быть, с самим главбухом
Придется рядышком лежать!

М. Тименс

ЛИТЕРАТОРЫ НА РАСКОПКАХ

Рис. Кукрыниксы

— Вот вы все недовольны нами, товарищ Горький... А между тем в древности литераторы писали не на много понятнее нас!..

ДРЕБЕЗГИ.

СРЕДСТВО ДЛЯ ПОХУДЕНИЯ

ПЕРЕД НАМИ два документа, появившихся в печати одновременно.

Одно интервью с Брианом о его самочувствии, в котором Бриан заявляет, что он за последнее время сбавил в весе 2½ килограмма, и другое радостное заявление Залесского, что он, в бытность свою в Париже, виделся с Брианом по 4 раза в день.

Интересно было бы знать, сколько бы лишних килограммов сбавил в весе Бриан, если бы свидания с Залесским происходили не по четыре раза, а по восемь?

НА ВКУС И НА ЦВЕТ

По плану обороны Парижа от возможного восстания рабочих, ненадежный парижский гарнизон заменяется цветными частями.

А что будет, если эти части окажутся, действительно, цветными: например, — красными?..

ЗВЕЗДА ЖУЛИКОВ

ПУТЕВОДНАЯ звезда жуликов редко угасает:

«Небезызвестный европейский авантюрист Бармат, получив монопольные права, организовал в Литве «пароходное общество Литвы».

Раньше говорили:

— Большому кораблю — большое плаванье!..

Теперь надо говорить так:

— Большому жулику—маленькие пароходы!..

РАЗ В ЖИЗНИ

ПО ПОСЛЕДНИМ сведениям итальянских газет, Муссолини решил выступить перед экраном.

Это будет, кажется, первое выступление Муссолини, после которого итальянскому правительству не придется два месяца оправдываться.

„ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ“

Алло, дружок,—
Постой минутку,
Не время-ль малость отдохнуть?..
Ты отшагал—небось не шутка!—
Десятилетний путь!

**

На нем ты самым жарким солнцем
В десятилетии сверкал
И стал
Уже краснознаменцем,
Достойным чести и похвал...
Пожалуй, время и на розах
Или на лаврах почивать,—
Пожалуй, можно встать бы в позу
И вспоминать, и вспоминать?!

**

И в умиленьи юбилейном,
Над мирной жизнью воспаря,
Мечтать бы,
Голосом елейным
Потомству важно говоря:
— Да, да... Свой путь прошли мы честно.
От той до этой полосы...
Кхэ... кхэ...
(И тут щипать то место,
Где начинаются усы).
Так, утомленно вспоминая,
Почить от непомерных дел...
Но это, чорт возьми, я знаю,
Не твой удел, не наш удел!!

**

Мы тем и живы в молодежи,
И в сердце будущих веков,
Что мы —
Ни капли не похожи
На моложавых старичков!

**

Сегодня осмотреть винтовки
И—в трудовой круговорот...
Пред нами — новых дел черед!..
Вперед, вперед без остановки,
Без умиления,
Вперед!..

Ал. Жаров

Рис. Кукрыниксы

ЧИТАТЕЛИ, ГЛЯДИТЕ СЮДА ВОТ ИЗНАНКА АКТЕРСКОГО ТРУДА!

Текст Мих. Вольпина

Режиссер, прищурив око
По привычке долгих лет,
Ищет, для Владивостока,
Эксцентрический балет.

Испытуемая пара
Городскую пыль клубит,
Молодой студиец яро
Демонстрирует кульбит.
Не старайтесь, бросьте, право!
Зябко кутаясь в пальто,

Режиссер вам скажет: «Браво!
Очень мило... но не то!»
Густо губы накарминя,
Безработная Кармен
Просит место героини,
Обещая все взамен.

Комик с профилем верблюдца
От восьми до десяти
Ждет момента улыбнуться
Режиссеру и уйти.
В ручку дамы впился трагик —
Молью тронутый Гамлет.

Он купил штаны под краги,
А на краги денег нет.
Дамин муж в костюме рыжем
С рецензентом спор ведет:
«Золотко, послушай, ты же
Стопроцентный сукин кот!»

Поглядите на поэта.
Он расстроился в серьез,
Он четыреста куплетов
Для эстрадников принес:
Вдохновенную «Сатиру
На квартиру № 5»,

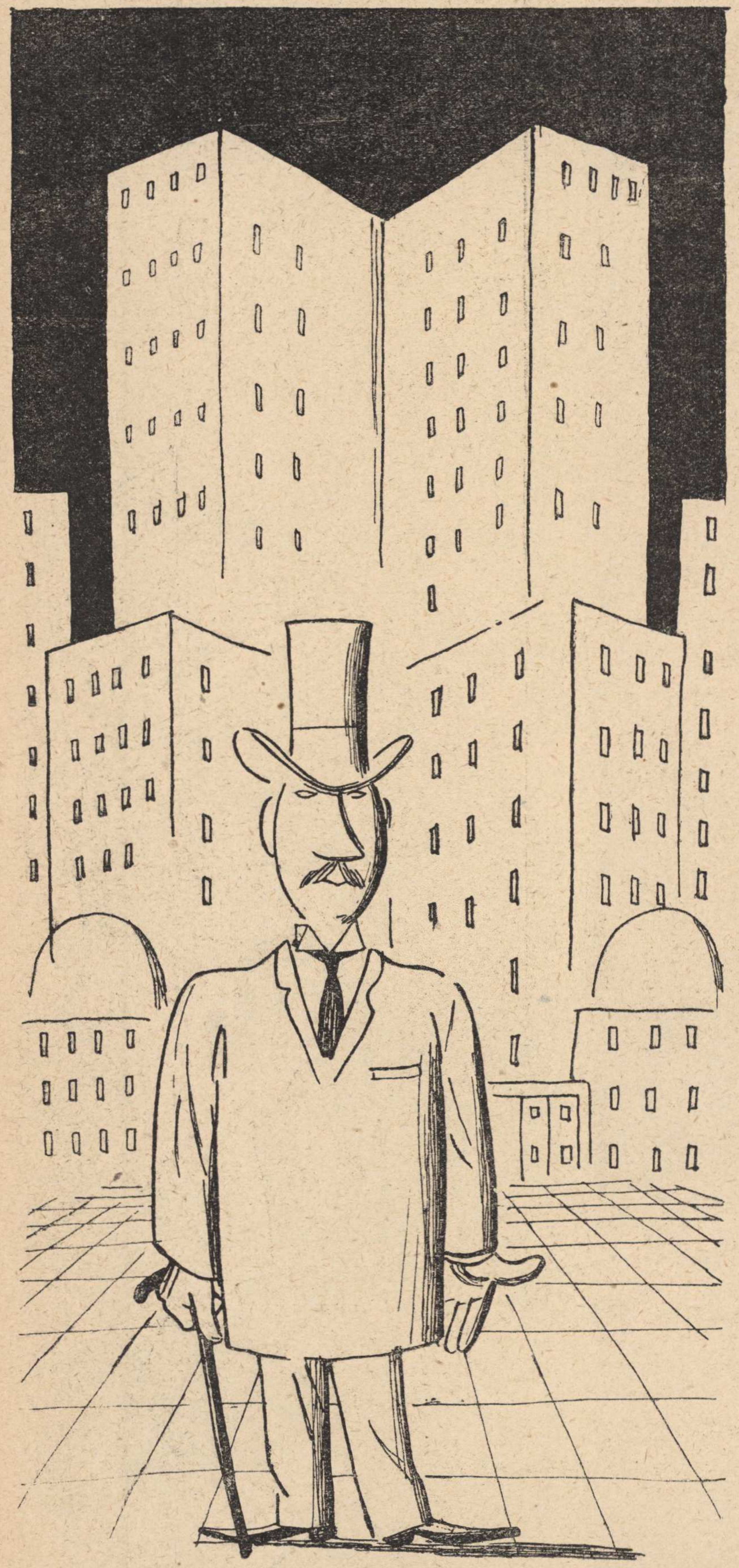
Но «Сатиру на квартиру»
Не желают покупать.
И, решив, что люди гадки
И к поэзии глухи,

Он взволнованной лошадке
Декламирует стихи.
Повара духовной пищи
Для желудка пищи ищут
И дежурят тут с утра
«В надежде славы и добра»...

„КАМЕНЩИК, КАМЕНЩИК, В СМОКИНГЕ МОДНОМ...“

Рис. Б. Малаховского

Председатель американского реформистского союза каменщиков получает 10 тысяч долларов.

— Я настоящий каменщик! Вот эти каменные дома, например... Все — мои!

СВОЙ ПОДХОД

— Ну как? Раскрепостил ты свою жену от плиты?

— Еще бы! Я теперь всю получку пропиваю, так что жене и готовить-то нечего!

БЫВАЕТ

— Он целый день бегает за юбкой...

— Ловелас такой?

— Нет, просто мануфактурный спекулянт!

СОСЕД

Шла «Любовь Яровая».

Моим соседом по креслу был какой-то розовощекий старик с седыми волосами. Когда на сцене появлялся артист, игравший профессора, мой сосед начинал фыркать и тихо возмущаться:

— Пошляк! Как он играет профессора?! Он, видимо, никогда не видел живых профессоров!!

— Тише! — сказал я, наконец. — Вы мешаете мне слушать....

И шопотом досказал:

— Этот актер окончил Полтавскую гимназию в 1912 году. Разве вы не читали его биографии? Стыдно не знать биографий таких больших актеров!

Сосед замолчал и только время от времени продолжал фыркать под нос. В антракте я разговорился со стариком.

— Вы правы! — сказал мне сосед. — Я вспомнил его биографию. Она была напечатана в вечерней газете по случаю пятнадцатилетнего юбилея его.

— Вот, вот...

— Там еще упоминалось, что играть он начал у Зимина.

— Совершенно верно! У вас хорошая память!..

— Еще бы! — улыбнулся сосед. — Потом, кажется, на-днях сообщалось, что он вернулся из Кисловодска...

— Да! — сказал я, раскрывая газету. — А вот в сегодняшнем номере есть интервью с ним по поводу того, что актер полагает сыграть в будущем и прабудущем сезоне...

— Завидую, ох, как я завидую ему! — сказал сосед.

— А вы случаем не актер ли сами?

— Вроде. Тоже в театре работаю...

— Вот видите! — сказал я. — У актеров зависть — профессиональное чувство.

Сосед молчал, видимо обиженный.

— А в каком вы театре работаете? — спросил я. — Если это не секрет?

— Не секрет, — буркнул он. — В анатомическом театре Московского Государственного Университета!..

— Я — профессор! — продолжал он. — И ни один дьявол не придет из газеты и не поинтересуется моими работами. Обо мне больше печатают за границей, чем у нас. Таково же положение и у моих коллег! Вообще, об академических театрах у нас пишут слишком много, а об Академии слишком мало! Да-с!

Свет погасили, поднялся занавес. Мой профессор, увидя снова актера, зашипел:

— И завтра напечатают о нем пять заметок и десять интервью... Нет, видно, профессором на сцене быть лучше, чем профессором в жизни!..

Вл. Тоболяков

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

«Волна самокритики докатилась» также и до Бориса Пильняка: в журнале «Новый Мир», в статье «Красное Сормово», Борис Пильняк пишет:

— *«Трудно вы пишете, товарищ Пильняк!» — мне совестно, и страшно досадно, — не только то, что я трудно пишу, — мне стыдно, что только теперь я это увидел. Читателю понятно, как существенны для меня эти мои последние слова.*

После этих чистосердечных признаний читатель вправе был надеяться, что хоть в этой статье Б. Пильняк попытается писать «не трудно».

Куда!

В этой же статье читаем:

... *О машинах, о стали, о тех машинах, которые создают новые и новые машины, которые собраны в заводы, перед которыми нет конца в противоборстве природе и в организации ее, — этому нельзя не кланяться, — это я знал, эту колоссальную сложность, созданную прекраснейшим в человечестве — знанием и трудом, делающими мартены, вагранки, дизели и паровозы. Но самое главное, решающе главное, — человек, ради которого живут машины, которым живут машины... и т. д.*

Если услышишь от Бориса Пильняка: «Мне совестно и стыдно, что я трудно пишу!», — не верь ушам своим!...

★

Марк Криницкий написал батрацкую повесть, которую из номера в номер печатает газета «Батрак».

Вот сценка, где встречаются батраки:

По сельскому обычаю, остановились, поздоровались. Так, мол, и так: как живешь? А ты, мол, как?

Этот же отрывок для «Голоса текстильщиков» легко можно переделать так:

По обычаю текстильщиков, остановились, поздоровались. Так, мол, и так: как живешь? А ты, мол, как?

Для органа совторгслужащих — «Нашей газеты» — стандартную сценку «встречи двух друзей» можно начать словами:

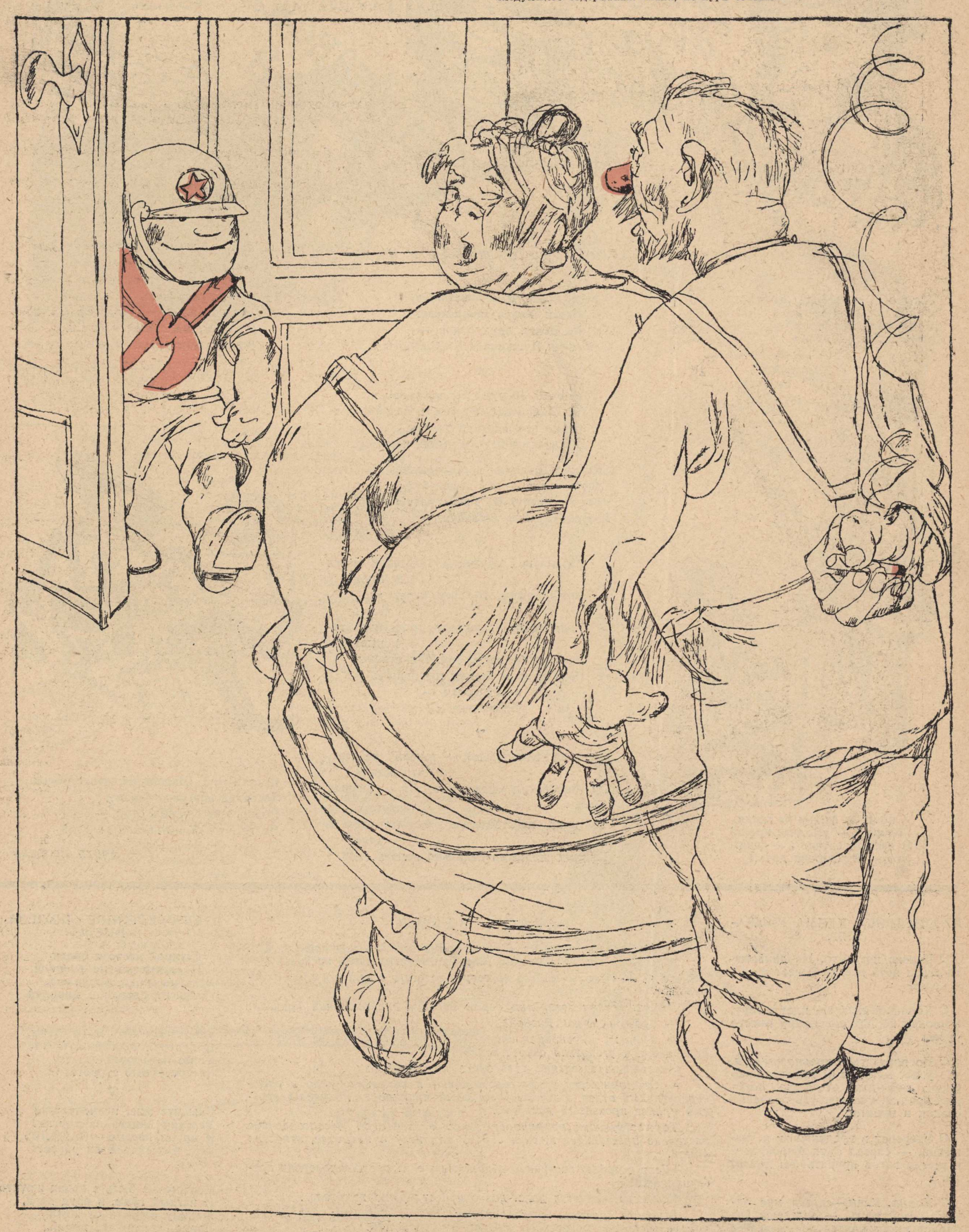
По обычаю совторгслужащих... и т. д.

Совторгслужащие будут — «как живые»!..

„ОТЦЫ И ДЕТИ"

Рис. М. Черемных

Пионеры фабрики «Освобожденный Труд» организовали совместно со школьным врачом ячейку «Долой вино и табак!» и вывесили по домам плакатики следующего содержания: «Папа, не кури больше!»

— Бросай скорее папироску, — Петюшка идет!!!..

Рис. Кукрыниксы

(Кино-повесть Александра Пушкина и Виктора Шкловского)

Это — Пушкин? Кадры эти
Без начала и конца?
«Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца.»

А поэт, на фильм не глядя,
Говорит: — «Подите прочь!
В данном случае я — дядя:
Это — Викторова дочь!»

Я не дивлюсь. В конце-концов,
Мы ждали казуса таковского.
Ах, эта дочка двух отцов, —
С чертами Пушкина и Шкловского.

*

Конечно, Пушкин лег в основу.
Но Шкловский, критик и эксперт,
Решил прибавить Пугачеву
И новых свойств, и новых черт.

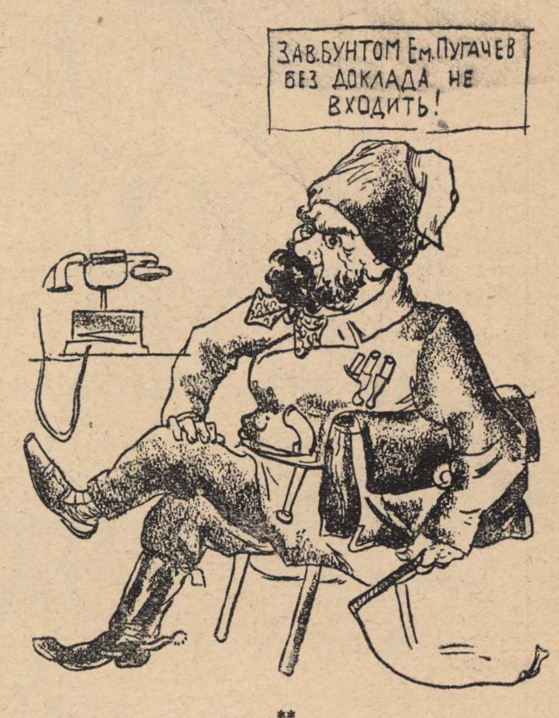
Зачислен Швабрин в «каторжане»,
Гринев игрив — что комик-буфф.
«Так ты женат? Не знал я ране!» —
Я процитировал, взглянув.

*

Не спорю с критиком. Поправок смысл не глуп.
Вот, скажем, Пугачев берет «на чай» тулуп.
Уместны-ль, граждане, поступки таковые?
Учтя особенность эпохи и страны,
Пред кадром этаким мы пишем:
«Часовые — отменены!»

*

Савельич пушкинский — теперь не тот, что встарь,
Он Шкловским «выдвинут». Он — личный секретарь.
Сей кадр, действительно, выходит вон из ряда!
Глазами жадными невольно ищешь слов,
Созвучных кадрику:
«Завбунтом Пугачев.
Прием по вторникам.
Вход воспр. без доклада!»

*

Прости мне, Шкловский, эти строчки.
Ты, ради красного словца,
Родного не щадишь отца, —
Не то, что «Капитанской дочки»!

Эмиль Кроткий

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

○ Первая нота—до. Но дипломатическая нота всегда бывает не до, а после.

○ Хороший писатель идет в гору, а плохой по двугривенному вместо рубля.

○ По пятилетке предполагается, что у нас выкурят 81 миллиард папирос. Вот—дым отечества, который вряд-ли кому-нибудь особенно сладок и приятен.

○ Увереньях в преданности и уважении, — сказал один бюрократ— я всегда готов принять без доклада.

○ Помни, Клим,—сказал мне однажды мой тесть, — телеграф без проволоки значительно полезнее проволоки без телеграфа.

«ДЕЛО О ЗАЙЦЕ»

За овином, у изгороди, Митька поймал зайца и притащил в село. Показав его мальчишкам, Митька выпустил зайца на волю.

Весть об этом разнеслась по селу и залетела в местный союз охотников.

На экстренном заседании союза негодующие охотники кричали:

— Браконьерство! Разбой!

И, взопрев, постановили единогласно: просить сельсовет привлечь браконьера к уголовной ответственности.

Экстренное заседание сельсобета постановило:

— Экономическая контр-революция! — и направило дело в административный отдел, а вскоре участковый милиционер получил секретный приказ произвести дознание.

Торжествующий милиционер занес в протокол чистосердечное раскаяние преступника и, взяв с него подписку о невыезде, отпустил домой.

«Дело о зайце» поступило в комиссию о несовершеннолетних преступниках.

Комиссия, прочитав дело, долго и безудержно хохотала...

Вы тоже смеетесь, граждане? Так знайте, над кем: над Хотицким сельсоветом, Псковского района, и иже с ним.

А. С — кий.

ПРЕД'ЮБИЛЕЙНОЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Сатирой часто я болею
И огрызаюсь не впервой.
Халтура снова, к юбилею,
Окляксит праздник мировой.

*

Творят «поэмы» Иксы, Зеты,
Все, кто пошлятиной богат,
Опять замусорит газеты
Литературный суррогат.

*

Скажите мне, не чепуха-ли
Халтуру видеть на торгах?
И крики наглые—«ПАХАЛИ»
Тех, что сидели на рогах?

*

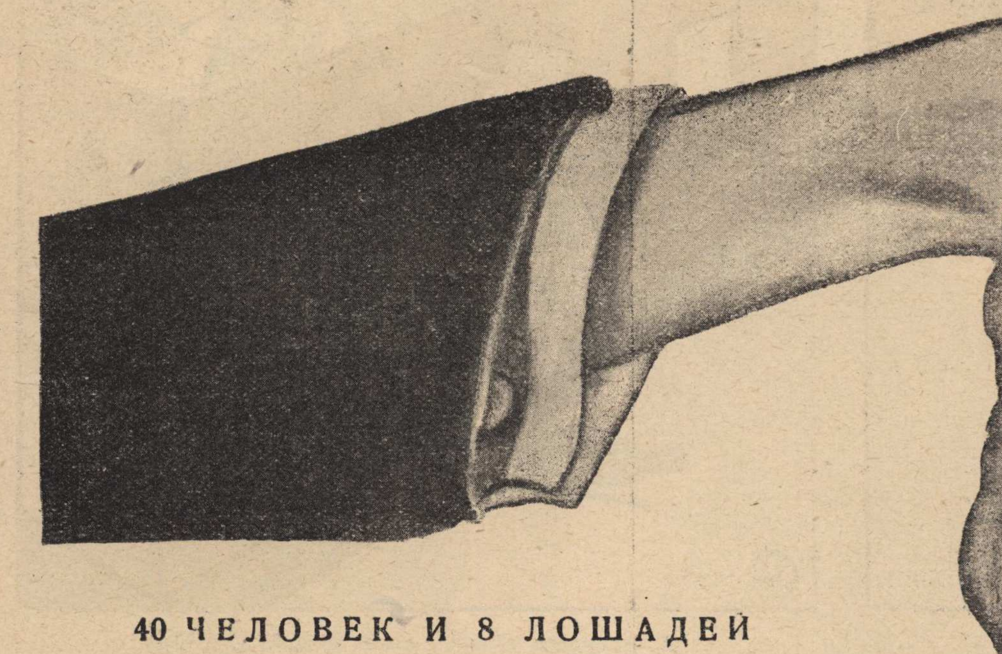
Должно-же быть в конец изжито
И наглый грим, и блуд пера,
Мякину отмести от жита
Давно, товарищи, пора!..

Мих. Андреев

НИ МИНУТЫ ПОКОЯ!..

Рис. К. Ротова

Госмедторгпром выпустил «Японский порошок» от клопов, причем оказалось, что клоп после 16-часового пребывания в порошке остался цел и невредим.

КЛОП: — Пожить спокойно не дают, дьяволы!.. Опять придется в квартире задыхаться!..

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

СУДЕБНАЯ ОШИБКА

«Поволожская Правда» сообщает любопытный случай:

Вор-рецидивист Козлов целых девять дней присутствовал в качестве нарзаседателя в суде 4-го района г. Саратова. Когда за Козловым явились на квартиру арестовать его за новую кражу, то на квартире заявили:

— Да разве его теперь арестуешь? Он сам любого арестует!

Вероятно, в ДОПР'е, когда Козлов встретится с бывшими своими подсудимыми, он горько улыбнется и произнесет:

— Что и говорить, правильно сказано: «Не судите и не судимы будете!»

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Минский кино-театр «Культура», демонстрируя картину «Инженер Елагин», сопровождает ее такими пояснениями:

Фильм рисует борьбу и преданность категорий интеллигенции в лице инженера Елагина, которая идет в ногу с Советской властью в социалистическом строительстве государства, в противоположность нашумевшему шахтинскому процессу.

Идет в ногу... Не в ту-ли самую левую ногу, которой сочиняются такие бодрые и лишенные смысла строки?

Впрочем, что можно требовать от бедного кинематографа, носящего такое ни к чему не обязывающее название, как, скажем, «Культура»?

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

«Смехачу» пишут:

Учительница Вавожской семилетки (Можгинского уезда) водила своих воспитанников в церковь, раздавала им в целях духовного просвещения псалтыри и другую «божественную» литературу.

И худшим наказанием в этой школе, должно-быть, считалось, когда учительница приказывала:

— Петров, стань в уголок... безбожника!

А ЯЩИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ!

Жалуется нам один рабкор:

В г. Красноярске, в первой лечебнице, комиссия, проводящая смотр лечебных учреждений, обнаружила, что ящик для жалоб не открывался с 1924 г.

Рекомендуем администрации 1-й лечебницы впредь ящик для жалоб просто называть «Долгий ящик». Тогда к ней, по крайней мере, никто не придерется.

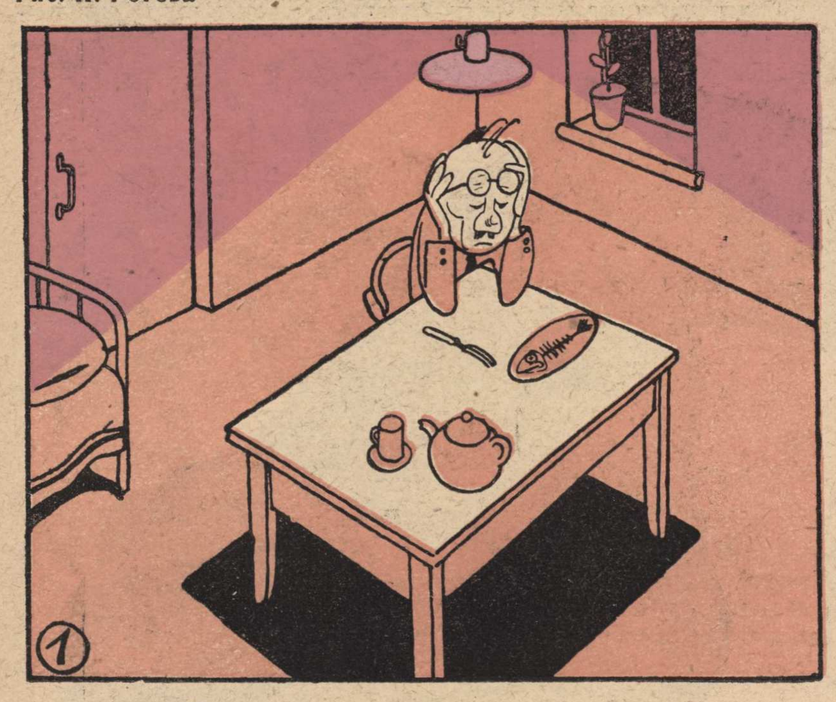
Издатель — Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК». Адрес редакции: Москва, Страстной бульв., 11. Отв. редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

Главлит № А23138. МОСКВА. Тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Зак. № 2175. Тираж 100.000.

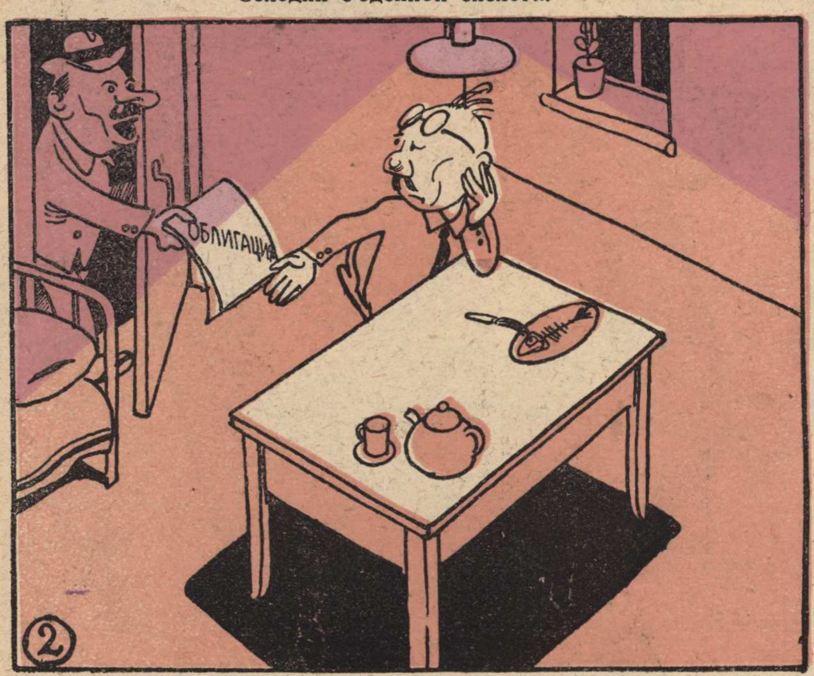
К. П.

СЛУЧАЙ ИЗ НЕОРГАНИЗОВАННОЙ ЖИЗНИ

Рис. К. Ротова *Стишки М. П.*

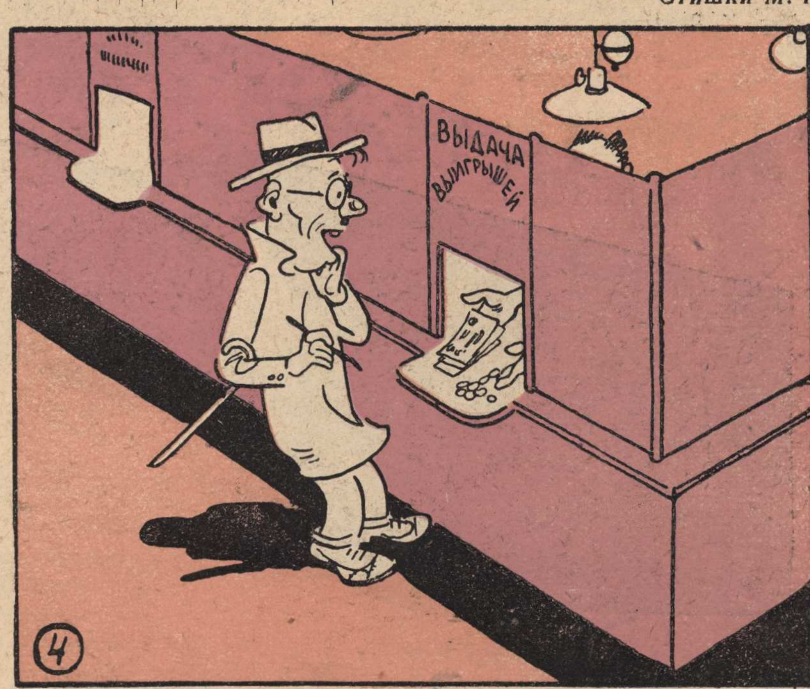

1. Как не брюзжать, не злиться люто,
Живя в коморке без уюта?..
Вот — от обеда жалкий след:
Селедки с'еденной скелет!..

2. В желудке — горькая истома...
Ворвавшись вихрем, управдома
О долге выспренне поет
И облигацию сует.

3. Чрез месяц он берет газету, —
Унынья и в помине нету:
Печаль сменило торжество!
Да! Крупный выигрыш — его!!

4. Стремглав уйдя от жизни нищей,
Он тыщу получал за тыщей
И в изумлении шептал:
— «Да это — целый капитал!!!»

5. Подобно
демону
иль магу, —
Летел он
по
универмагу
И, проявляя
щедрый
пыл, —
Полмагазина
закупил!..

— Что это за серия рисунков?
— Рисунки из жизни счастливца, выигравшего по займу индустриализации, а что касается серии, то она будет известна после тиража второго займа индустриализации.